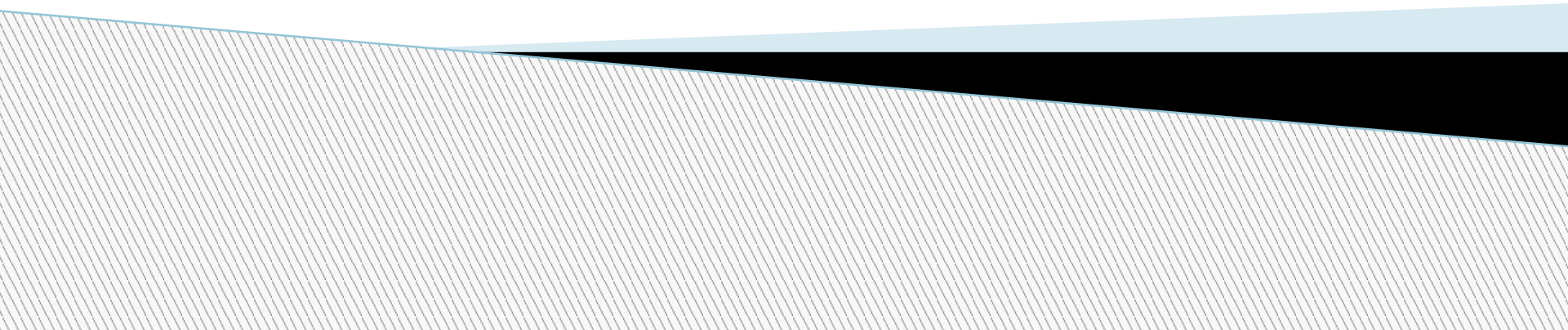

Презентація на тему:
Ігор Сєверянин – поет “Срібного віку”

*Підготувала
учениця 11-А класу
Рузанова Валерія*

Игорь Северянин

**Справжнє ім'я Ігор Васильович Лотарьов;
(4 (16) травня 1887, Санкт-Петербург — 20 грудня 1941, Таллінн) —
російський поет «Срібної доби».**

Народився в Петербурзі в сім'ї офіцера. По материнській лінії був родичем з письменником і істориком Н.М. Карамзіним.

Будущему поэту 6 лет

Майбутній поет не отримав серйозного академічної освіти: закінчив реальне училище.

Северянин почав Друкувати в 1905 году, а Вже в 1908 году випустить свой перший збірник віршів «Зірниці думки», в якому виступать в традиціях «чистої лірики", віявляючі при цьом особливая.

* * *

*Благословляя мир, проклятье войнам
Он шлет в стихе, признания достойном,
Слегка скорбя, подчас слегка шутя
Над всею первенствующей планетой...
Он — в каждой песне, им от сердца спетой,
Иронизирующее дитя.
(«Игорь Северянин»)*

І. Северянин любив декламувати власні вірші на публіці, даючи, за своїм особистим визначенням, «поезоконцерти». Але, незважаючи на це, поет залишався щирим, великим, незвичайною дитиною в поезії: він грає зі словесної тканиною вірші, з упоительними співзвуччями. Постійно займаючись словотворчістю, Ігор Северянин проте принципово не згоден з футуристами в їх запереченні спадщини минулого і бажанні писати літературу з «чистого аркуша».

Поет писав: «Пушкін - пушкінський великий». У його віршах можна побачити поетичні тенденції, започатковані не тільки А.С. Пушкіним, але ще Г.Р. Державіним. Він запозичив у «старої літератури» рими, розміри, поетичні прийоми образотворчості. Основним художнім прийомом поетичного світу І. Северяніна стала іронія, яка веде до театралізації сучасних форм життя, до створення масок, а не відображенню реальності, до утвердження утопії. Поет пише: «Я цар країни неіснуючої».

Пушкін.

Есть ишма, как солнце Ишма -
Как музыка. Как Ишма в расцвете.
Я говорю о Пушкине: поэте,
Действительно в любви Ишма.
Но понимает ли мой стрелы -
Все это старухи, Ишма и дети,
Как затруднительно сказать в сонете
О том, как все Ишма мой поше?
Его Ишма! - Ишма повторений...
Может ли Ишма Ишма Ишма?
Может ли Ишма Ишма Ишма?
Ишма Ишма, когда все Ишма Ишма,
Даете Ишма Ишма Ишма Ишма,
И это Ишма Ишма Ишма...

Світ, що відкривається читачеві на сторінках северянинської поезії, реально не існує, він є лише у свідомості поета:

** * **

*Не терпим мы дешевых копий,
[х примелькавшихся тонов,
И потрясающих утопий
ы ждем, как розовых слонов...
(«Пролог»)*

Скрывая за маской иронии свое истинное лицо, поэт пребывает в некоем «фиолетовом трансе» и создает собственный мир, собственную реальность. Лирический герой Северянина наслаждается общением с природой, с крестьянской простой жизнью, где все естественно и гармонично, он тяжело переживает наступление цивилизации и псевдокультуры. Позиция поэта выражена в строках:

** * **

*Скорей бы — в бричке по ухабам!
Скорей бы — в юные луга!
Смотреть в лицо румяным бабам!
Как друга, целовать врага!
Шумите, вешние дубравы!
Расти, трава! Цвети сирень!
Виновных нет: все люди правы
В такой благословенный день!
(«Весенний день»)*

У 1913 році І. Северянин видає другу поетичну збірку «Громокипящий кубок», з виходом якого ставлення до поета стає більш визначеним, сучасники відзначають його талант. Наприклад, Брюсов, вказуючи і на «відсутність знань», і на «болісну вульгарність», і на «невміння мислити», писав у своїй статті:

«...это — лирик, тонко воспринимающий природу и весь мир и умеющий несколькими характерными чертами заставить видеть то, что он рисует. Это — и истинный поэт, глубоко переживающий жизнь и своими ритмами заставляющий читателя страдать и радоваться вместе с собой. Это — ироник, остро подмечающий вокруг себя смешное и низкое и клеймящий это в меткой сатире. Это — художник, которому открылись тайны стиха и который сознательно стремится усовершенствовать свой инструмент...».

Основні теми збірника: любов, підпорядкована певній грі, порушення природних гармонійних відносин в природі через настання цивілізації, пошук ідеалу в мистецтві і літературі, мрія про злиття з природою. Для поезики збірки характерно лексичне і стилістичне розмаїття: поет використовує традиційні слова в незвичайних поєднаннях, створює, використовуючи основні принципи словотворення, неологізми:

** * **

*Мороженое из сирени!
Мороженое из сирени!
Полпорции десять копеек,
четыре копейки буше.
Пора популярить изыски,
утончиться вкусам народа,
На улицу специи кухонь,
огонив эксцесс в вирелэ!*

(«Мороженое из сирени»)

З'являються й інші поетичні збірки І. Северяніна: «Златоліра» (1914), «Ананаси в шампанському» (1915), «Поезоантракт» (1915), «Тост безмовних» (1916), тематика яких в основному продовжує теми, заявлені поетом у перших збірках. Вірші І. Северяніна мають величезний успіх, їх постійно перевидають. У вірші «Увертюра» (1915) поет мріє перетворити «трагедію життя ... в гресофарс». Художній образ «ананаси в шампанському» уособлює міраж сучасного життя, «пульс вечорів»:

** * **

*Ананасы в шампанском!
Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно,
искристо, остро!
Весь я в чем-то норвежском!
Весь я в чем-то испанском!
Вдохновляюсь порывно!
И берусь за перо!*

(«Увертюра»)

Створені поетом неологізми («ветропросвист», «крилоліт») символізують сутність цивілізованого життя, захоплення загальної механізацією. Навесні 1918 року на вечорі в Політехнічному музеї І. Северянин був обраний «Королем поетів». Його експериментаторство, гра словами і складною римою, своєрідний звукопис не залишили байдужими читача:

* * *

*Я выполнил свою задачу,
Литературу покорив.
Бросаю сильным на удачу
Завоевателя порыв.
Но, даровав толпе холопов
Значенье собственного «я»,
От пыли отряхаю обувь,
И вновь в простор — стезя моя.*

(«Эпилог»)

Через тиждень після свого тріумфального виступу в Політехнічному музеї І. Северянин їде з Росії в маленьке приморське село в Естонії, проголошуючи себе людиною «поза політикою». Поступово вірші поета все рідше друкуються в Росії, його ім'я віддається забуттю.

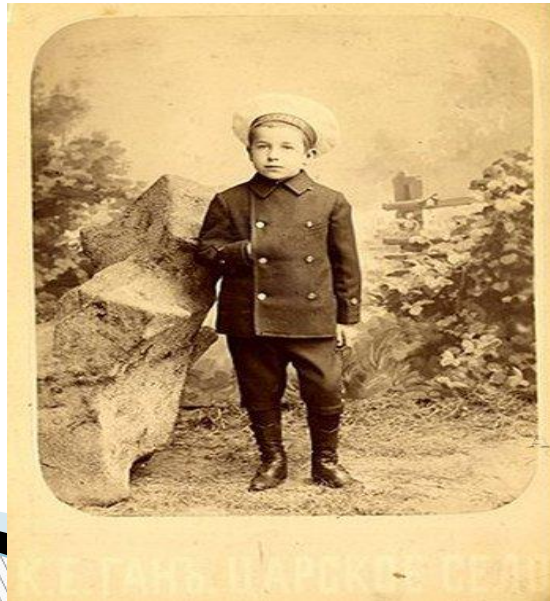
В останні роки життя І. Северянин живе в основному в Таллінні, мріючи про повернення на батьківщину. У цей період опублікована його книга «Класичні троянди» (1931), в якій поет проповідує своєрідний поетичний класицизм, зникає безтурботна іронія, на зміну їй приходить гірка усмішка, гнівна сатира. Поет вмирає в Таллінні в кінці 1941 року, відчуваючи себе вигнанцем, відчуваючи свою непотрібність Росії.

А.Н.Чеботаревская, Ф.Сологуб, В.Баян, Б.Д.Богомоллов и И.Северянин

Булат Окуджава:

- «Нынче мне очень близок и дорог Игорь Северянин. Сущность этого большого поэта, как всякого большого поэта, - в первооткрывательстве. Он рассказал мне то, что ранее не было известно. Мой путь к нему был труден и тернист, ибо был засорен нашим общим невежеством, и я поминутно спотыкался о ярлыки, которыми поэт был в изобилии увешан. ... К счастью, во мне все-таки нашлись силы, чтобы разобраться во всем этом. И я постепенно стал его приверженцем. ... Помню, как вместе со всеми я тоже проповедовал достоинства Владимира Маяковского как укоризну Игорю Северянину, зная из хрестоматии несколько водевильных фактов, не имеющих ничего общего с литературой, не понимая, что поэтов нельзя противопоставлять одного другому - их можно сравнивать; нельзя утверждать одного, низвергая другого. И вот, когда по воле различных обстоятельств все это мне открылось, я понял, я почувствовал, что Игорь Северянин - мой поэт, поэт большой, яркий, обогативший нашу многострадальную поэзию, поэт, о котором еще предстоит говорить, и у которого есть чему учиться».

Евген Евтушенко:

* * *

Когда идет поэтов собрание,
Тех, кто забыт и кто полузабыт,
То забывать нельзя про Северянина –
Про грустного Пьеро на поле битв.

Евтушенко.

Есть имена, как солнце и луна –
Как музыка, как птицы в раскаты.
Я говорю о Бунинских: поэте,
действительно и в чистое время.
Но помнит ли мой сонник –
Все эти старухи, шумы и думы,
Как затруднительно сказать в сонном
О том, кем был дух мой поиме?
Есть имена! – ну разве повторю...
Можу ли сейчас передать сурьеза?
Можу ли русско объявить поимам?
Убит он, кому все наши годы,
Даже и был и был русский зрак,
И это сердце все поимам...

Вс. Рождественский (1895—1977) про поезовечори:

«Поэт появлялся на сцене в длинном, узком в талии сюртуке цвета воронова крыла. Держался он прямо, глядел в зал слегка свысока, изредка встряхивая нависающими на лоб черными, подвитыми кудряшками. Лицо узкое, по выражению Маяковского, вытянутое "ликерной рюмкой" ("Облако в штанах"). Заложив руки за спину или скрестив их на груди около пышной орхидеи в петлице, он начинал мертвенным голосом, все более и более нараспев, в особой, только ему одному присущей каденции с замираньями, повышениями и резким обрывом стихотворной строки разматывать клубок необычных, по-своему ярких, но очень часто и безвкусных словосочетаний. Через минуту он всецело овладевал настороженным вниманием публики. Из мерного полураспева выступал убаюкивающий, втягивающийся в себя мотив, близкий к привычным интонациям псевдоцыганского, салонно-мещанского романса. Не хватало только аккордов гитары. **Заунывно-пьянящая мелодия олучтения-полураспева** властно и гипнотизирующе захватывала слушателей. Она баюкала их внимание на ритмических волнах все время модулирующего голоса...»

Рукопись

Подайте искристого к баранине.
Подайте счет.

И для мисс — цветы.

Подайте Игоря Северянина!

Приносят выцветшие листы.

Подайте родину тому ревнителю,
что эти рукописи хранил.

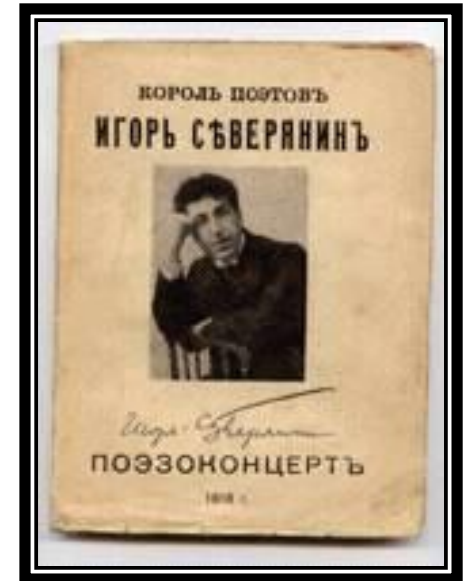
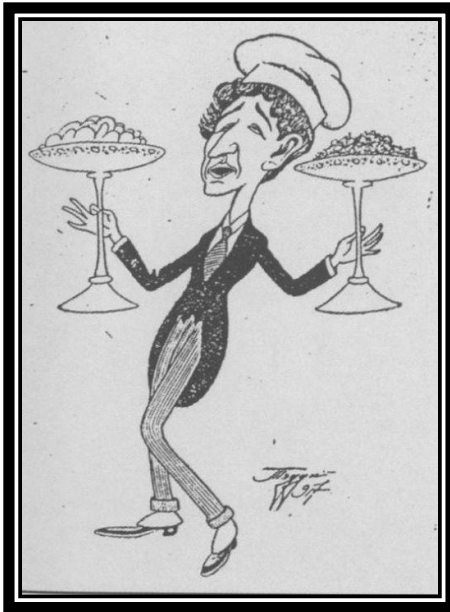
Давно повывелись в миру чернильницы,
и нет лиловых навзрыд чернил.

Подайте позднюю надежду памяти —
как консервированную сирень,
где и поныне блатные Бальмонты
поют над сумерком деревень.

Странна «поэзия российской пошлости»,
но нету повестей печальней сих,
какими родина платила пошлости
за вкус Тургеневых и Толстых.

Поэт, стареющий в Териоках,
на радость детям дремал, как Вий.
Лицо — в морщинах, таких глубоких,
что, усмехаясь, он мух давил...

Поэт, спасибо за юность мамину,
за чувство родины,
за розы в гроб,
за запоздалое подаяние,
за эту исповедь — избави бог!

Дякую за увагу!!!